Е.В. Аверина, старший преподаватель кафедры редакционно-издательского дела и информатики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова

ЛОГИЧЕСКОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ ОЦЕНОЧНЫХ СУЖДЕНИЙ

Автор рассматривает логические характеристики оценочных суждений. В основу методики редакторского анализа высказываний субъективной оценки положено выведение коммуникативной импликатуры. Это позволяет выделить общие принципы построения оценочных суждений и дать логическую оценку имплицируемой информации.

Ключевые слова: *логика оценок, логическое редактирование, оценочные и фактические высказывания, коммуникативная импликатура, принцип коммуникативной кооперации.*

The author deals with logical characteristics of value judgments. Editing analysis procedure for expressions of subjective assessments is based on communicative implications. It makes it possible to define general rules for structuring value judgments and to give a logical assessment to the information implicated.

Key words: *logic of assessments, logical editing, value and factual judgments, communicative implications, rule of communicative cooperation.*

Авторы большинства учебных пособий единодушны в том, что для любого специалиста полезно и необходимо изучать такую науку, как логика. Подобные суждения, не вызывая возражений и будучи «общим местом», образуют дилемму, сформулированную А.А. Зиновьевым: «Если логика как наука общедоступна, она тривиальна и практически бесполезна; если же логика не тривиальна и может иметь серьезное научное значение, она доступна лишь сравнительно узкому кругу специалистов при условии значительных затрат ума и времени» [Зиновьев, 2000, с. 558].

Обучение логическому мышлению является прежде всего результатом овладения языком, на котором говорят в обществе. А это значит, что люди могут логически мыслить и без предварительного изучения логики. Однако из этого не следует общедоступность логики, так как логичность мышления человека ограничена уже уровнем его языковой культуры. Сам факт существования языковой детерминации усиливает ответственность тех, кто объективно учит других логическому мышлению. Речь в первую очередь идет о преподавателях и журналистах. Первые обучают методам, приемам и нормам логических рассуждений. Это касается всех предметов: от правописания до высшей математики. Вторые формируют общественное мнение и предлагают критерии анализа и оценки фактов объективной действительности. И первые, и вторые должны

относиться к тому узкому кругу специалистов, о котором говорил Зиновьев. Практика редактирования включает и педагогическую и журналистскую составляющие, поэтому к профессиональным компетенциям редактора относится целенаправленное изучение логики, требующее серьезных «затрат ума и времени».

Редактор текстов СМИ прежде всего имеет дело не с теоретическим, а с практическим рассуждением, определение которого принадлежит Аристотелю. Он понимал под последним рассуждение, ведущее к действию и предоставляющее разумные основания для него. В «Этике (К Никомаху)» «практичность» так сопоставляется с «рассудительностью»: «...практичность приказывает; цель ее определить, что следует делать и чего не следует. Рассудительность только критикует» [Аристотель, 1908, с. 117].

Логика оценок является приложением к рассуждениям, включающим оценки идей и методов, применяемых обычно в формальной логике. Оценочность — естественное свойство любого практического рассуждения. Специфические функции СМИ, например необходимость воздействия на массовую аудиторию, предполагают усиление оценочности в текстах СМИ. Ясное представление о логических свойствах оценок необходимо редактору. Многие виды оценок стоят вне категории истины, так как основная функция оценок отличается от функции фактических высказываний, которые А.А. Ивин в книге «Основания логики оценок» характеризует как дескриптивные (описывающие действительность и передающие информацию о ней) и объективные (имеющие отношение к действительности) [Ивин, 1970, с. 46]. Оценки не являются дескриптивными: если описывают, то постольку, поскольку это необходимо для выполнения основной функции; если информируют, то не о самих фактах действительности, а о наличии определенной оценки этих фактов.

Примером недескриптивности оценочных суждений может служить фрагмент текста: «...Для второй половины воскресного дня в казино пустовато. В глубине зала трое граждан заседают вокруг бутылки виски. Крупье в мини-юбке скучает за карточным столом. Сенатор Починок уверял, что краснодарские казино “вышли на самоокупаемость”. Ну, может быть. Кто его поймет, этот странный игорный бизнес»[1]. Автор не ставит перед собой задачи описать казино и его обстановку, очевидная цель — показать несоответствие представлений о «самоокупаемости» в игорном бизнесе и реальной ситуации. Явное несоответствие лежит в основе иронической оценки.

Н.Д. Арутюнова подчеркивает, что не только оценочные суждения недескриптивны, но и оценочные слова в результате субъек-

[1] *Сухова Е.* Ставки на ветер // Огонек. — 2010. — № 43. — С. 31.

тивности их употребления теряют устойчивость дескриптивных значений [Арутюнова, 1999, с. 138].

Далеко не все оценки объективны, а следовательно, истинны или ложны. Те оценки, которые ничего не утверждают и служат простым словесным выражением чувства, являются субъективными и лишены истинностного значения. Не удивительно, что Т. Гоббс настаивал на исключении из логического рассуждения лексикона, связанного с субъективной оценкой [Гоббс , 1964, с. 74].

Примерами субъективной оценки изобилуют тексты СМИ: «...Вот и я боюсь, что когда после строительства трассы "Формулы", после сочинской Олимпиады, после работы "Сколково", когда научного, спортивного или какого другого карго в стране не прибавится, ошибка будет найдена в неверных материалах — или, допустим, объектах — строительства»[2]. Оценочное суждение такого рода невозможно оспорить и подвергнуть критике, так как оно утверждает лишь наличие субъективного чувства автора («я боюсь»). Подобные суждения выполняют «компенсирующие отсутствие конкретной информации коммуникативные задачи. В большинстве случаев эти задачи динамичны. Оценочное высказывание стремится повлиять на адресата, а через него и на ход практической жизни» [Арутюнова, 1999, с. 183]. Именно потому, что такие суждения обладают высокой степенью воздействия на читателя, они и требуют особого внимания со стороны редактора.

Редакторский анализ суждений субъективной оценки предполагает логическое выведение коммуникативной импликатуры, т.е. той информации, которая отсутствует в оценочном суждении, но подразумевается в нем и логически вытекает из него [Грайс, 1985, с. 221]. Имплицируемая информация может быть оценена с точки зрения истинности и ложности, следовательно, к ней применимы методы редакторского анализа и оценки фактического материала [Накорякова, 2009, с. 177—185]. Понятие коммуникативной импликатуры было предложено и охарактеризовано Г.П. Грайсом: «Пусть некто, сказав (или сделав вид, что он сказал), что p, тем самым имплицировал, что q. Мы будем говорить, что он коммуникативно имплицировал, что q, если... говорящий считает, что слушающий способен вывести или интуитивно почувствовать реальную необходимость предположения» [Грайс, 1985, с. 227]. Грайс рассматривает понятие коммуникативной импликатуры в контексте диалога как ситуации речевого общения. На наш взгляд, данное понятие применимо к анализу любого оценочного высказывания, так как позволяет выделить общие принципы построения оценочных суждений и логической оценки имплицируемой информации.

[2] *Губин Д.* Бамбуковый самолет // Огонек. — 2010. — № 43. — С. 33.

При выводе определенной коммуникативной импликатуры мы ориентируемся на контекст высказывания (как лингвистический, так и любой другой) и прочие фоновые знания, конвенциональное значение использованных слов и соблюдение коммуникативного принципа кооперации. Этот принцип предполагает наличие понятной читателю цели высказывания, которая может быть выражена эксплицитно (определена в заголовке или прямо сформулирована в тексте) или с очевидностью выявляется в тексте.

Рассмотрим на примере, как дать истинностную квалификацию фактическому суждению, логически имплицируемому из оценочного высказывания. Обратимся еще раз к статье Д. Губина «Бамбуковый самолет»: «Мы как-то стали довольны своими бамбуковыми лесами, мы перестали их бамбуковость замечать. Даже Кремль, боюсь, наш не каменный и не — как в романе Сорокина — сахарный, а тоже бамбуковый, с потенциалом к замене на ротанговый». Сначала посмотрим на смысл данного высказывания, вытекающий из контекста. Статья начинается с рассказа о карго-культах, возникающих там, где «наивная цивилизация хочет прыжком приобщиться к плодам цивилизации изощренной». Примером цивилизации изощренной предлагается считать технологичную евроамериканскую цивилизацию, примером наивной — «невинную островную жизнь» меланезийских аборигенов, «самолетопоклонников», строивших в ожидании даров и благосклонности своих богов бамбуковые самолеты. Такой контекст диктует понимание упомянутых в приведенном выше оценочном высказывании «бамбуковых» лесов и «бамбукового» Кремля как приписывание современной российской внутренней политике наивной подражательности, забавной карикатурности, утопичности таких проектов, как строительство трассы «Формулы-1», а главное — указание на безнадежную отсталость российской «цивилизации» от евроамериканского образца.

От карго-культов автор переходит к обсуждению экономической и политической составляющих проекта строительства «формульной» трассы. В этой части текста эксплицируется непосредственная цель высказывания: критика правительственных решений о выделении солидных бюджетных средств Краснодарскому краю, основанных не на объективных геополитических показаниях, а на субъективных личных отношениях высоких чиновников. Упоминание в оценочном высказывании романа Сорокина никак не подкреплено контекстом и требует от читателя определенного фонового знания. Представляя себе обобщенный портрет читателя «Огонька», можно предположить, что роман-антиутопия Владимира Сорокина «Сахарный Кремль» должна быть читателю знакома. Однако из этого предположения вовсе не следует уместность упо-

минания произведения: читатель может либо не знать, о чем идет речь, либо истолковать смысл суждения иначе, чем автор, для которого «сахарный» указывает на целенаправленное введение в заблуждение, создание иллюзии благополучия, демагогии.

Таким образом, возникает смысловая скважина, нарушающая принцип коммуникативной кооперации, согласно которому высказывание должно содержать именно то количество информации, которое требуется передать, т.е. не меньше и не больше чем необходимо для достижения поставленной коммуникативной цели. Образы «бамбукового» и «сахарного» Кремля исключают друг друга. Первый эпитет говорит о наивности, что следует из контекста, второй — о цинизме и очковтирательстве, что следует из отсылки к общему смыслу романа, в результате чего возникает контактное противоречие. Третий эпитет — «ротанговый» — также не раскрывает смысл оценки. Прямое значение слова не порождает никаких конвенциональных импликатур, переносное значение неочевидно, обращение к этому эпитету необоснованно, а в результате — в очередной раз нарушается принцип коммуникативной кооперации, включающий такие требования, как следование заданной теме, необходимость избегать ненужного многословия, неоднозначности и непонятных выражений, логической неопределенности, запрет говорить то, на что нет достаточных оснований. Закон достаточного основания предписывает нам считать истинным только обоснованные суждения, следовательно, фактическое суждение, импликативно содержащееся в анализируемом субъективно-оценочном суждении, будет ложным.

Автор оценочного высказывания нередко нарушает принципы коммуникативной кооперации, которые влекут за собой логические ошибки. Редактору необходимо проанализировать, насколько случайным или осознанным является это нарушение. В оценочных суждениях оно зачастую указывает нам не на отсутствие логической культуры автора, а на прием воздействия на читателя или введения читателя в заблуждение. Если нарушение принципов осознанно и недемонстративно, автор скорее всего пытается ввести читателя в заблуждение. Когда автор откровенно, демонстративно отказывается от соблюдения принципов коммуникативной кооперации, он стремится воздействовать на читателя. Такая ситуация обычно и порождает коммуникативную импликатуру, косвенным образом выражающую фактическое суждение. Читатель понимает, что автор способен следовать кооперативным принципам общения, в силу откровенности своих действий не пытается никого ввести в заблуждение. Автор осознает, что и читатель видит нарушение принципов, и таким образом первый намекает на инфор-

мацию, которую он по определенным причинам не может или не хочет высказать прямо. Это может быть намек на конфиденциальность или опасность информации, подчеркивающий значимость высказывания и приглашающий читателя присоединиться к узкому кругу избранных лиц, которым доступно понимание истинных причин и мотивов происходящего.

В анализируемом выше оценочном суждении откровенное нарушение принципов коммуникативной кооперации преследует именно эту цель и направлено на создание у читателя впечатления смелости высказывания. Эта заявка на «свободу правдивого слова» подкрепляется и позицией главного редактора, который на одной из последних страниц номера подчеркивает то, как «странным образом» на страницах журнала «сошлись два материала, обратный адрес которых — Краснодарский край». Номер завершает субъективно-оценочное суждение: «Формула-1» на родине бездорожья — это, кажется, лучшая иллюстрация к двум главным российским проблемам»[3]. Подобная позиция редактора объясняет изобилие на страницах журнала субъективно-оценочных суждений, не выдерживающих логической проверки, но в совокупности позволяющих определить общую концепцию издания, которая и является главным предметом утверждения и доказательства. Концепция по сути представляет собой некое общее мнение создателей издания: издателя, редактора, коллектива авторов. Меняются времена и люди, и то, что в одно время одними людьми называлось мудростью, в другое время другими людьми будет названо страхом, то, что называлось смелостью, в другой ситуации будет названо глупостью.

Один из персонажей В.Ф. Одоевского — светский человек — говорит, обращаясь к своему товарищу: «Что же мне делать с тобою, мой любезный! если ты не знаешь нашего языка; учись, учись, учись, мой милый; это необходимо, — мы здесь перемешали значения всех слов, и до такой степени, что если ты назовешь безнравственным человека, который обыгрывает в карты, клевещет на ближнего, владеет чужим имением, тебя не поймут, и твое прилагательное покажется странным»[4]. Уяснение отношений оценок к истинности, определение обоснованности оценочного вывода представляют собой одну из сложнейших логических задач редактирования. Поэтому модальная логика и логика оценок — как один из ее разделов — заслуживают особого внимания редактора, тех самых «значительных затрат ума и времени», о которых мы говорили вначале.

---

[3] *Лошак В.* Отдых: все включено // Огонек. — 2010. — № 43. — С. 53.

[4] *Одоевский В. Ф.* Княжна Мими // Одоевский В. Ф. Повести и рассказы. — М., 1959. — С.157.

Список литературы

Аристотель. Этика (К Никомаху). — СПб., 1908.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека.// Языки русской культуры. — М., 1999.

Гоббс Т. Избранные произведения // Гоббс Т. Собр. соч.: В 2 т. — М., 1964. — Т. 2.

Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1985.

Зиновьев А. А. Очерки комплексной логики. — М., 2000.

Ивин А. А. Основания логики оценок. — М., 1970.

Лащук О. Р. Редактирование информационных сообщений. — М., 2004.

Накорякова К. М. Литературное редактирование. — М., 2009.

Поступила в редакцию
05.11.2010